

Внешняя политика Франции и франко-советские отношения в первые месяцы «Странной войны» (сентябрь 1939 — март 1940)

Элизабет дю Рео*

Статья представляет собой краткий обзор внешней политики Франции в период с сентября 1939 по март 1940 гг. Автор уделяет внимание реакции Франции на политические и военные акции Германии и Советского Союза в Европе, а также описывает состояние франко-британских отношений и показывает влияние «странной войны» на внутреннюю политику Третьей Республики.

Ключевые слова: Франция, Великобритания, Германия, Советский Союз, Польша, «странная война», пакт Молотова–Риббентропа, советско-финляндская война.

Keywords: France, Great Britain, Germany, the Soviet Union, Poland, the «phoney war» the Molotov–Ribbentrop Pact, the Soviet–Finnish War.

Историография этого пока еще противоречивого вопроса была радикально обновлена благодаря открытию новых фондов и появлению новых публикаций¹. Решения, которые принимались Парижем и Лондоном, сотрудничавшими в рамках взаимосвязанной структуры, заслуживают того, чтобы подвергнуть их анализу и оценить в свете новых источников.

Внешняя политика Франции представлена в настоящей статье в строгих хронологических рамках, и в ней выделены два крупных периода:

1. Французское правительство в период от провала трехсторонних переговоров (включая СССР) и вступления в войну до исчезновения Польши (август — сентябрь 1939 г.)
2. Испытание «странной войной»: сходство и расхождение во французских и британских позициях перед лицом советских инициатив (сентябрь 1939 г. — март 1940 г.).

Французское правительство в период от провала «великого альянса» и вступления в войну до исчезновения Польши (август — сентябрь 1939 г.)

Провал французской дипломатии

С 1932 по 1939 г. правительства Третьей республики, сменявшие друг друга после подписания с СССР договора о ненападении (ноябрь 1932 г.), старались не терять связей с Советским Союзом и в то же время не переходить определенные рамки предусмотренного сближения. И хотя задачи правительственных кабинетов не всегда совпадали с задачами высшего командования, и те и другие были в тридцатые годы озабочены одним и тем же — не допустить германо-советского сговора. Будучи хорошо осведомленным относительно поддержки, оказываемой Москвой подпольному перевооружению Берлина со времен заключения в Рапалло секретных соглашений, высшее командование проявляло бдительность в ходе пере-

* Элизабет дю Рео — почетный профессор Университета Сорбонны (Париж III). Перевод на русский язык выполнен А. Л. Семеновым.

говоров, завершившихся в мае 1935 г. подписанием франко-советского договора о взаимной помощи. Его ратификация произошла в 1936 г.² После провала предпринятой в 1937 г. по инициативе министра национальной обороны Эдуарда Даладье попытки возобновить переговоры по военным вопросам пришлось ждать осени 1938 г., когда после Мюнхена с новой силой разгорелись дискуссии о своевременности укрепления связей с СССР.

Но лишь весной 1939 г. сторонники такой политики одержали верх, в период, когда в Великобритании происходил пересмотр направленности ее дипломатической деятельности.

В этом новом дипломатическом контексте и начались англо-франко-советские переговоры, первый этап которых проходил с мая по июль 1939 г., а второй этап, совпавший с деятельностью военной миссии³, — в июле–августе.

На новом этапе к процессу переговоров активно подключается председатель совета министров Эдуард Даладье. Он добивается того, чтобы в Москву была направлена франко-британская военная миссия. Между тем, уже в июле 1939 г. в его инструкциях генералу Думенку просматривается некоторое подозрение в отношении намерений советских руководителей. Глава правительства хочет добиться ясности и говорит главе миссии: «Почему русские заставляют себя упрасивать? Надо разгадать их позицию и пролить на нее свет»⁴.

Те из возвращенных из Москвы документов, что относятся к деятельности французских разведывательных служб, содержат на этот счет некоторые ценные сведения. В них четко подчеркивается двусмысленность советской позиции⁵.

Тем не менее, в начале августа 1939 г. никто не предугадывал той развязки, которая последовала 23 августа 1939 г. Новость о германо-советском пакте была как гром «среди затянутого угрозами неба»⁶.

В эту последнюю неделю августа, когда положение Польши уже рассматривалось как очень опасное, состоялось совещание в узком составе политических и военных деятелей для рассмотрения вопроса об оказании помощи Польше. Заседание было назначено на 23 августа. И что же решили его участники? Военачальники, игравшие главную роль, заявили, «что нового Мюнхена не будет»; «если Польша подвергнется нападению, Франция останется верной своим обязательствам».

Новость о германо-советском пакте запоздала, о ней стало известно вечером в конце заседания. Это было страшное потрясение, эта новость поставила Францию и Великобританию, гарантов польской безопасности, в новую дипломатическую ситуацию.

Лаконичное объявление о пакте Риббентропа–Молотова, которое излагало статьи пакта о ненападении, связывающие обе стороны на 10 лет, вызвало настоящую «ударную волну», для Франции это было настоящее оскорбление.

Как о том свидетельствует внутренняя документация, полный поворот советского курса стал в глазах правительства Даладье событием огромного значения. Это был провал дипломатической деятельности, которая с 1935 г. по 1939 г. была отмечена некоторыми разумными инициативами, но также и слишком частыми сделками и отступлениями.

Сентябрь 1939 г.: правительство Даладье в период принятия первых решений

Кроме того, эта новость потрясла французскую правительственную команду и поставила ее в трудное положение в сфере внутренней политики. Среди возникших проблем невозможно было обойти позицию «Юманите», печатного органа Французской коммунистической партии. Появившаяся в ней уже 23 августа статья приветствовала заключение пакта как «победу в борьбе за мир», затем последовали еще две статьи, что привело к конфискации тиража газеты. 26 августа был принят декрет, санкционировавший закрытие издания, «наносящего своей деятельностью ущерб национальной обороне»⁷. И хотя 2 сентября депутаты-коммунисты единогласно проголосовали за ассигнования на нужды обороны, их участь была уже решена. После того как Польша была разгромлена, а в ее восточную часть вошла Красная армия, только что реорганизованное правительство Даладье добилось принятия 26 сентября декрета о роспуске коммунистических организаций⁸. Тем не менее, депутаты-коммунисты продолжали в этот период сохранять за собой места в Палате депутатов.

Первые дни сентября были решающими — на рассвете 1 сентября 1939 г. германские войска вступили в Польшу. На заседании совета министров 1 сентября раздавались голоса, предлагавшие прибегнуть к посредничеству Италии. Во имя реализма Жорж Бонне напомнил о предложении Чиано, министра иностранных дел в правительстве Муссолини. Отступничество Москвы побуждало Францию искать поддержку в другом месте. Эту позицию разделяли в Сенате влиятельные сенаторы Пьер Лаваль и Жозеф Кайо. Сможет ли «клан миротворцев», эффективный в 1938 г., добиться проведения еще одной Мюнхенской конференции? В то время как в Лондоне проявляли беспокойство, Эдуард Даладье готовил заявление о вступлении Франции в войну и уже намечал перестановки в правительстве. Теперь он знал, что может рассчитывать на поддержку социалистов в борьбе против гитлеровской агрессии⁹. Утром 3 сентября, за несколько часов до вступления в войну, Леон Блюм написал недвусмысленную передовицу, которая будет напечатана в газете «Попюлер»: «Даже если социалисты и боролись двадцать лет за мир, сейчас они знают, что надо ответить на насилие, на агрессию»¹⁰.

Сразу же по вступлении в войну возник ключевой вопрос: какую помощь оказать Польше? Этот вопрос обсуждался, как общегосударственный, на

заседании военного комитета 8 сентября, затем довольно запоздало 12 сентября на межсоюзнической встрече на высшем уровне в Абвиле. Но еще накануне заседания военного комитета Эдуарду Даладье был вручен конфиденциальный документ: «Следует учитывать, что германо-советский пакт не мог быть получен Германией даром. Предоставленные России выгоды могли быть сделаны лишь в ущерб Польше и прибалтийским странам»¹¹.

Эта очень важная бумага подтверждала депешу, которую поверенный в делах в Москве Пайяр отправил накануне Жоржу Бонне. В ней подчеркивалось усиление германо-советского сотрудничества. «[СССР] демонстрирует таким образом величайшую благосклонность в отношении агрессивного Рейха и величайшее безразличие к судьбе подвергшейся нападению Польши... Следует опасаться того, что это сотрудничество может идти по нарастающей, пока Россия не реализует вытекающие из него преимущества»¹².

Значение этих сведений выявляет неизданный документ — «Походный дневник» генерала Гамелена. Сделанные им в то время записи свидетельствуют о том, что уже с первых проявлений blitzkriega на восточном фронте он осознал необходимость полного пересмотра своих суждений относительно способности Польши к сопротивлению. Совершенно очевидно, что накануне заседания военного комитета 7 сентября он был проинформирован о намерениях советского руководства, а может быть, и о точном содержании секретного протокола от 23 августа. Эти сведения помогают нам со всей ясностью понять лапидарную формулировку, записанную в «Дневнике» Гамелена: «Никому не стоит морочить голову относительно Польши, которая, не будем скрывать этого, пропала». Заметим, однако, что такие взгляды не разделяла основная часть правительства и высшего командования. Согласно критической точке зрения, высказанной в военном кабинете Даладье генералом Деканом, необходимо было подождать межсоюзнической встречи в верхах, чтобы выяснить британскую позицию. «Вряд ли можно сказать, что немецкие силы на западном направлении сейчас явно превосходят франко-британские силы. Следовательно, надо помогать Польше держаться до конца»¹³.

Однако саммит в Абвиле состоялся довольно поздно, 12 сентября. Организация первого Межсоюзнического верховного совета явилась яркой демонстрацией недостатков системы, предусмотренной еще весной 1939 г. В период, когда организовывалось франко-британское сотрудничество, было решено, несмотря на давление с французской стороны, что институциональные формы франко-британской коалиции будут созданы лишь после объявления войны. Так, на случай долгой войны предусматривалось создание различных структур: Межсоюзнического верховного совета, Межсоюзнического высшего

военного комитета и Комитета межсоюзнических военных исследований¹⁴.

В записях дебатов, сохранившихся по обе стороны Ла-Манша, нет определенного упоминания о значении германо-советского пакта или конфиденциальных сведений относительно намерений советского руководства, но выводы Чемберлена столь категоричны, что нельзя не предположить, что они сделаны с учетом таких данных. Он заявил, «что ничего нельзя было сделать в материальном плане, чтобы спасти Польшу. Единственное средство — выиграть войну». Эдуард Даладье внес некоторые нюансы: «В наших интересах подождать. Тем не менее, было бы желательно сохранить восточный фронт. Польские заводы находятся в руках врага или уничтожены. Надо бы организовать поставки через Румынию»¹⁵. Но положение на польском фронте быстро менялось.

Значение новых советских инициатив от вторжения в Польшу до второго германо-советского договора 17 сентября, через пять дней после окончания франко-британской встречи в верхах, последовала новость о вторжении советских войск в восточную часть Польши, подтвердившая прогнозы военачальников и дипломатов. Польское государство доживало свои последние дни. 18 сентября Эдуард Даладье потребовал у советского посла во Франции Сурица разъяснений, но получил уклончивый ответ. В важной записке, оставленной 20 сентября на Ке-д'Орсе, подчеркивалась уязвимость геостратегического положения Франции. Составители документа призывали к осмотрительности французское правительство, испытывавшее соблазн резко отреагировать на действия Москвы. Далее они исследовали различные сценарии событий, возможные после крушения Польши.

При всей новизне данной стратегической ситуации Франция должна постараться незамедлительно установить максимально жесткую блокаду рейха и попытаться держать Германию между двумя фронтами благодаря открытию на юго-востоке балканского фронта. Что касается позиции, которую следует занять в отношении Москвы, то здесь эксперты проявили осторожность.

«Побудительные мотивы советской политики по-прежнему характеризуются двусмысленностью и покрыты таинственностью. Невозможно с точностью сказать, идет ли речь о прямом сотрудничестве с рейхом, о принятых Советами мерах предосторожности или о возрождении панславизма.

Франция должна стараться не провоцировать СССР и сохранять с Москвой дипломатические отношения. Ее позиция должна быть выжидательной, поскольку пределы и цели германо-советского сговора неясны».

Текст завершается указанием на главную опасность, угрозу столкновения с Германией, которое может быстро начаться на западном фронте. «Мы должны быть готовы к тому, что после ликвидации

польской армии германское правительство перебросит на наш фронт значительную часть из тех 55 дивизий, которые были задействованы им в Польше, а его авиация почти целиком будет использована на западе»¹⁶.

На ближайшее будущее советники рекомендовали укреплять франко-британский альянс. Кроме того, они подчеркнули необходимость поиска других возможностей взаимодействия, а в известных случаях также надеяться на передышку.

Заключенные 29 сентября 1939 г. новые германо-советские соглашения, нацеленные, по официальным заявлениям, на расширение экономического сотрудничества, в действительности регулировали присоединение Советским Союзом территорий в прибалтийских странах. 28 сентября Эстония подписала с СССР договор о взаимопомощи. Аналогичные договоры были подписаны Латвией и Литвой 5 и 10 октября.

В этой весьма тревожной для западных союзников обстановке дипломатия Берлина предпринимает крупное «мирное наступление» с целью ослабить решимость Франции и Великобритании продолжать борьбу против Германии.

Испытание «странной войной»: сходство и расхождение во французских и британских позициях перед лицом германских и советских инициатив (октябрь 1939 г. — март 1940 г.)

«Мирное наступление» Германии, поддержка со стороны СССР, реакция Франции

Это один из часто не принимаемых во внимание аспектов «странной войны»: уже в то время психологическая война, особенно ведущаяся по радио, играла важную роль. Так, уже с осени 1939 г. стало возможным говорить о «войне в эфире»¹⁷. Именно в выступлениях перед микрофонами немецкий канцлер и глава французского правительства обращались со своими призывами к общественному мнению. Таким же образом в Лондоне действовал Чемберлен. Пресса также играла важную роль, широко публикуя речи Гитлера и глав двух правительств: Франции и Великобритании.

6 октября Гитлер выступил с речью, утверждая, что Германия «хочет мира». Выступал он в рейхстаге, но фактически обращался к общественному мнению страны и международного сообщества, поскольку его речь записывалась для передачи по радио. Оправдав произведенные Германией аннексии, он разъяснил, что теперь нет никакой причины для войны, поскольку германские требования были удовлетворены. И тут же бросил вызов Франции и Великобритании, предложив провести встречу главных европейских держав со следующей повесткой дня: энергичное сокращение вооружений, организация мира посредством взаимных гарантий, передача Германии некоторых колоний и, наконец, решение еврейского вопроса, а завершил речь словами: «Те, кто рассматривает войну как решение, отвергают протянутую руку»¹⁸.

Этому сугубо официальному «мирному наступлению» предшествовали различные менее заметные акции, в частности, поддержанная Коминтерном пацифистская кампания в отношении Франции. Именно в этот контекст вписываются некоторые инициативы депутатов-коммунистов, включая инициативу Жака Дюкло, потребовавшего 1 октября начать переговоры с Гитлером. Между тем, 4 октября Морис Торез решил отправиться из Франции в Москву¹⁹.

После этого правительство ужесточило внутреннюю политику. Начались аресты членов распушенных организаций. 18 ноября 1939 г. был опубликован декрет «относительно принятия мер против лиц, представляющих опасность для национальной обороны и политической стабильности». Это стало началом суровых репрессий против левых, но также и повышения бдительности в отношении пацифистских происков, которые могли усиливаться справа.

А какие направления обозначились в плане внешней политики, каков был ответ правительства Даладье на германское предложение мира? На этот счет имеется достаточно обширная документация, но она мало изучена.

2 октября, через несколько дней после объявления о заключении второго германо-советского договора, заместитель директора европейского отдела МИД Анри Оппено составил для главы правительства любопытную записку, в которой он проанализировал сложившуюся военно-дипломатическую ситуацию и сделал ряд предположений на ближайший и более отдаленные периоды.

Изложенные в записке взгляды имели целью предоставить подробную информацию и дать советы главе правительства и министру иностранных дел, готовившемуся в тот период к выступлению в Сенате, назначенному на 6 октября. По мнению заместителя директора европейского отдела, французское правительство «должно срочно изменить психологический климат, с тем чтобы создать у Германии и у нейтральных стран и самой мощной из них — Соединенных Штатов Америки, впечатление, что мы настроены столь же решительно, как и британцы»²⁰.

Каковы же были цели войны, которые Франция должна была провозгласить громко и ясно? Следует различать причины войны и цели войны. После падения Польши и объявления о подписании договора о германо-советской дружбе условия, позволяющие заключить мир, были следующие:

- Восстановление независимой Польши с гарантией ее границ.
- Пересмотр посредством плебисцита, проводимого под международным контролем, территориальных изменений, осуществленных силой или под угрозой ее применения с 1938 г., а также политического статуса Центральной Европы и предоставление международных гарантий определенному таким образом новому статусу.

- Устранение в Германии нацизма как правящей силы, не несущей ответственности перед немецким народом, который она лишила возможности свободно выражать свою волю.
- Созыв международной конференции, призванной заложить основы всеобщего сотрудничества, с тем, чтобы облегчить переход стран от экономики военного времени к экономике мирного времени и расчистить пути к справедливому перераспределению сырья, естественно, отложив в сторону вопрос о территориальном суверенитете.

Таким образом, в общих чертах вырисовывалась программа, способная послужить основой для работы будущего мира в день, когда Европа окажется избавленной от любой угрозы агрессии²¹.

Заметим, что открытому осуждению подвергся только нацизм, автор не упомянул отношение СССР к Польше. Однако намеки на территориальные изменения в Центральной Европе не оставляли на этот счет сомнений и могли также относиться и к политике Москвы.

Спустя несколько дней, 6 октября, глава правительства обратился с речью к сенаторам, высказавшись за проведение твердого курса в период, когда Гитлер официально формулирует свои предложения о мире.

10 октября глава правительства, несмотря на оказываемое на него давление, сделал официальное заявление, которое тоже передавалось по радио: «Мы сможем отложить в сторону оружие лишь в том случае, если добьемся определенных гарантий безопасности, такой безопасности, которую не будут ставить под вопрос каждые шесть месяцев. В результате нашей победы возникнет Европа, избавленная от всех угроз агрессии».

Таким образом, как и в Лондоне, где Чемберлен высказался в том же духе, сохранялась решимость придерживаться твердого курса. Это означало поражение занятого интригами примиренческого клана и разочарование для П. Лавала, который надеялся сыграть в Риме определенную роль и мечтал о достижении компромисса благодаря добрым услугам Италии²².

Спустя несколько недель действия, предпринятые СССР в Финляндии, привели к возобновлению дебатов о советской политике и эволюции англо-франко-советских отношений.

Этот вопрос вел союзников к столкновениям между собой; во Франции он тоже вызывал внутренние расколы.

Война в Финляндии — важнейшее испытание для франко-британской коалиции и для правительства Даладье

Французское правительство надеялось извлечь некоторую пользу из передышки, но СССР начал военные действия против Финляндии, и это вызвало резкую

реакцию не только в Хельсинки, но также в Париже и Лондоне. Нарушение территориальной неприкосновенности Финляндии, члена Лиги Наций, другим ее членом очень скоро было осуждено Лигой в Женеве как агрессия, чреватая серьезными последствиями. Лига незамедлительно приняла меры по оказанию гуманитарной помощи населению, пострадавшему от «зимней войны», и обратилась за содействием к странам, осудившим советское вторжение (призыв от 13 декабря).

Во Франции надежда на то, что СССР будет соблюдать определенный статус-кво, стала улетучиваться, сменяясь сильными опасениями за сохранение контроля над стратегическими материалами в период, когда обозначилась перспектива экономической войны.

Из документов, направлявшихся главе правительства министерством национальной обороны, следует, что эксперты опасались серьезных проблем, если бы Сочетский Союз стал контролировать поставки железной руды через Норвегию²³.

Этот вопрос был поставлен на заседании Межсоюзнического верховного совета 19 октября 1939 г., когда представители сторон приступили к обсуждению положения в Финляндии.

Лорд Галифакс выразил согласие на оказание «союзниками материальной помощи Финляндии, так как, чем больше поддерживать Финляндию, тем меньше русские смогут действовать на Балканах». Он также изъявил готовность подтолкнуть Норвегию и Швецию к действию.

Франция хотела бы пойти дальше, чем предоставление этой материальной помощи, и предложила оказать Финляндии содействие, дополнив его обещанием гарантии скандинавским странам в случае германо-русской акции. Но Чемберлен был осторожнее — он полагал, что надо избегать опасности оказаться вовлеченными непосредственно в боевые действия против СССР.

19 декабря в Париже Эдуард Даладье попытался склонить Черчилля на свою сторону. Он отметил, что польское правительство в изгнании, во главе с генералом Сикорским могло бы оказать поддержку, используя шесть польских военных кораблей (которые смогли достичь Британских островов в сентябре 1939 г.). В этот период маршал Маннергейм разработал в Финляндии сверхсекретный план, который предусматривал операцию в направлении Белого моря и Мурманска при поддержке ее британскими, французскими и польскими силами. Данная операция предполагала одобрение ее скандинавскими странами, поскольку переброска войск с запада через их территории не могла осуществиться без их согласия.

Этот весьма дерзкий план был одобрен адмиралом Дарланом со стороны Франции²⁴. Эдуард Даладье, весьма внимательно следивший за этим, составил важную записку, которая была передана

в январе в Форин-офис: «Сколь бы героическим ни было сопротивление Финляндии, было бы безрассудным полагать, что она сможет в одиночку долго сдерживать возрастающий натиск сухопутных и военно-воздушных сил СССР. Нет надобности подчеркивать... каковы будут последствия для союзников поражения Финляндии. Весь Скандинавский полуостров может оказаться ареной действий, принимаемых Германией и Россией, и обеспечит им обладание источниками снабжения и оперативными базами, что позволит им практически бесконечно продолжать войну»²⁵.

Франко-британские разногласия: неудача в Финляндии и политический кризис во Франции (январь — март 1940 г.)

В начале января франко-британские разногласия обострились. В то время как посланник Финляндии в Париже Хольма настаивал на том, чтобы Франция начинала действовать, плохая новость еще больше ослабила позиции Франции — Скандинавские страны известили о том, что не разрешат переброску войск через свою территорию.

7 января британское адмиралтейство известило о своем отказе принять французский план относительно Мурманска и Петсамо: «Британское адмиралтейство считает нежелательным иметь Россию в качестве открытого врага из-за того, что у нее есть 200 подводных лодок, которые она может задействовать на Дальнем Востоке и в отдаленных морях, и, наконец, из-за опасности, которая возникнет на границе Индии»²⁶. В этих строках в резкой форме выражалось нежелание, которое с самого начала проявляли в Форин-офисе, где полагали, что от защиты Финляндии все равно придется отказаться.

Поэтому решения, за которые ратовал Эдуард Даладье, не были утверждены 5 февраля на пятом заседании Межсоюзнического верховного совета, на котором обе союзнические стороны ограничились упоминанием мер по оказанию косвенного содействия Финляндии и занялись рассмотрением вопроса об оказании содействия Норвегии, богатой полезными ископаемыми.

Через несколько недель в Париже весьма конфиденциально рассматривался другой сценарий. Речь шла о возможном проведении воздушного налета на Баку. Затем этот вопрос обсуждался 31 января на заседании межсоюзнического штаба, позднее он стал предметом многочисленных исследований в рамках французского высшего командования, где высказывались некоторые оговорки, тогда как эксперты на Ке-д'Орсе относились к такого рода действиям весьма сдержанно²⁷.

Между тем ситуация в Финляндии становилась отчаянной. 12 марта Москва заявила о подписании мирного договора с Финляндией. Эти драматические события представляли собой крупную неудачу для

коалиции, но еще более непосредственно они касались Эдуарда Даладье, который вложил в общее дело много сил и теперь должен был признать неспособность Франции оказать активное содействие стране, подвергшейся нападению.

В плане внутривнутриполитической жизни Франции это был добивающий удар для главы правительства, министра иностранных дел и национальной обороны. В парламенте, где с начала зимы назревал кризис, последние удары Даладье нанесли на заседаниях 12 и 20 марта жаждавшие его «эзекуции» политики²⁸.

После отставки Эдуарда Даладье 20 марта была образована новая команда, но новый глава правительства Поль Рейно располагал лишь незначительным большинством. Сознавая слабость франко-британской коалиции, он попытался выявить контуры согласия и снова занялся скандинавским вопросом, не теряя надежды на улучшение взаимодействия между Францией и Великобританией. Теперь все больше внимания уделялось угрозе со стороны Германии. Тем не менее, включившись в это остававшееся «периферийным» дело, Поль Рейно преуменьшал непосредственную опасность, угрожавшую территории Франции. Через несколько месяцев его правительство столкнулось с «кампанией во Франции» и «странным поражением», говоря словами Марка Блока.

70 лет спустя после этих событий историки располагают важными документами, позволяющими им лучше оценить значение германо-советских соглашений, заключенных в августе и сентябре 1939 г. Современники, в особенности принимавшие решения во Франции, а также общественность еще тогда осознали некоторые из основных последствий воплощения этих договоренностей в жизнь. Они совершили серьезные аналитические ошибки, внесли в дебаты много продиктованных эмоциями соображений. Вместе с тем оценка, которую правительственная команда Франции давала советской политике, не была лишена ясности, но позиция высшего командования, обязанного рассматривать средства, необходимые для проведения намеченных периферийных операций, с трудом, как нам кажется, поддается определению. Многочисленные разногласия, разделявшие в этот период французов и британцев, в частности, по вопросу об оказании содействия Финляндии, выявили слабые места коалиции.

Учет угрозы со стороны СССР и боязнь преждевременного разрыва с Москвой заставляли Лондон откладывать всякое вмешательство. Таким образом, уже в начале весны 1940 г. франко-британская коалиция представлялась весьма уязвимой. Через несколько недель германский противник нанес на Западе удар всеми своими силами согласно выработанной стратегии. За провалом политических решений последовал провал стратегических решений.

Elisabeth du Réau. The Foreign Policy of France and the Franco-Soviet Relations in the First Months of the “Phoney War” (September 1939 — March 1940).

The article provides a brief overview of French foreign policy from September 1939 to March 1940. The author pays attention to France's reaction to German and Soviet political and military actions in Europe and also describes the condition of Franco-British relations and shows the influence of the «phoney war» on the domestic policy of the Third Republic.

1. Documents diplomatiques français (DDF). 1939 (3 septembre — 31 décembre). Bruxelles. PIE. Peter Lang, 2002. Часть документов Думенка доступна в историко-архивном отделе сухопутных войск: SHAT-Série 7N3 186. Документы Гамелена также хранятся в: SHAT-1K224.
2. См. нашу статью: L'URSS et l'Europe dans les années vingt. Paris. Presses de l'Université de Paris. Sorbonne, 2000 (Sous la direction de Narinski M., du Réau E., Soutou G. et Tchoubarian A.).
3. Jean Baptiste Duroselle. La décadence. Paris. Seuil. 1983. P. 421–427. См. также: E. Du Réau. Edouard Daladier, 1884–1970. Paris: Fayard, 1993. P. 347–351.
4. Archives nationales — AN — Fonds Daladier — 496AP — 3DA1drl.
5. SHAT — 7N 3123. AM Moscou 1939–1940.
6. Yves Santa-Maria. 1939. Le pacte germano-soviétique. Bruxelles. Complexe. 1998.
7. L'Humanité, du 23 au 26 août 1939.
8. Elisabeth du Réau. Edouard Daladier, 1884–1970. Paris: Fayard, 1993. P. 374–377.
9. AN 496 AP 3 DAL, dr2. См. также: R.A.C. Parker. Struggle for survival. Oxford, 1989. P. 17–25.
10. Le Populaire. 3 septembre 1939. Editorial de Léon Blum.
11. AN 496 AP. 3DA1, drl. Note du général Gamelin sur la conduite de la guerre.
12. DDF. 1939. Nouvelle série. Op. cit P. 18. Note 16. Extrait des archives de Nantes.
13. Fonds Daladier. AN 496 AP. 3DA2, dr2. См. также неизданные «Journal» генерала Гамелена в историко-архивном отделе сухопутных войск (SHAT).
14. SHAT. 2N. 227. Collaboration franco-britannique.
15. François Bedarida. La stratégie secrète de la drôle de guerre. Paris, 1979.
16. Записка, составленная политическим управлением на Ке-д'Орсе на основе сведений, переданных 20 сентября 1939 г. поверенным в делах Пуайо. См.: Fonds Daladier AN 496. AP. 3DA1, dr2. Note pour le Conseil des ministres français (du 25 septembre).
17. Yves Santa-Maria. Le pacte germano-soviétique. Bruxelles. Complexe. 1998. P. 37–38. В работе подчеркивается важность развернутой Кремлем пацифистской кампании.
18. DDF.
19. E. du Reau. Edouard Daladier, 1884–1970. Paris: Fayard, 1993. P. 375–376; Yves Santa-Maria. Le pacte germano-soviétique. Bruxelles. Complexe. 1998. P. 81.
20. Archives diplomatiques. Ministère des Affaires Etrangères. Fonds Hoppenot. Dossier 8. Note d'Henri Hoppenot. 2 octobre 1939.
21. Archives diplomatiques. Ministère des Affaires Etrangères. Fonds Hoppenot. Dossier 8. Note d'Henri Hoppenot. 2 octobre 1939.
22. AN 496. AP 3DA1, dr 2.
23. Fonds Daladier. 496 AP. 3 DA3, dr I.
24. Hommage à René Girault. Op. cit. Etre historien des relations internationales. Paris. Publications de la Sorbonne. 1998. P.233–250. Fonds Daladier. 496 AP. 3DA3, dr 1.
25. Ibid. 3 DA 1, dr 2.
26. Public Record Office (PRO). London. CAB 65/11.
27. MAF. Papiers Hoppenot. Dossier 8 et 9. SHAT. Papiers Gamelin. 1K224. См. также: Martin Alexander. Gamelin et les leçons de la campagne de Pologne. Mai — Juin 1940 // Défaite française victoire allemande sous oeil des historiens. Paris. Ed. Autrement. 2000. P. 59–75.
28. Elisabeth du Reau. Edouard Daladier, 1884–1970. Op. cit. P. 408–411. См. также работу этого же автора в: Jonl Blatt (ed.). The French Defeat of 1940. Reassessments. Providence: Berghahn Books, 1998. P. 112–113.